

Дмитрий ЛУЦЕНКО,
украинский поэт.

БЕСБАРМАК

В Караганде, как дорогой кунак,
Я в гости приглашен на бесбарман,
Жайк Бектуров—щедрый побратим,
Певец степей, любви и доброты,
Проникновенно ночью до утра
Рассказывал про милый сердцу край,
Где с бедняками в старые года
Ходили рядом горе и нужда.
Народ казахский трудно кочевал,

В убогой юрте рос и умирал.
Здесь на земле суровой много раз
С казахами страдал и наш Тарас.
В душе поэта скорби залегли
Казахской и украинской земли.
Стоял над степью беспроблесный мрак,
Был ракою Тараса Мангышлак.
Мне рассказал легенду аксакал
Про Кобзаря и мрачный Косарал.,
И был в его рассказах добрый сплав
Степных ветров и киевских дубрав.
И в ту минуту в жарких пиалах
Чай золотистый степью терпко пах.
И, как живые, вглядывались в нас
Два гения—Абай и наш Тарас.

Перевод с украинского.

С ЖАЙКОМ Кагеновичем Бектуровым я знакома много лет. И за все эти годы никогда не встречала его раздраженным, злым, недовольным — всегда доброжелательный, обходительный, открытый душой, внимательный. Редкие качества. Особенно если учесть, что жизнь его не баловала: рано остался без родителей и с детства тяжело работал, зарабатывал себе на хлеб.

С 15 лет начал учительствовать в аулах, а в 30—31-х годах был учителем школы второй ступени в Нурынском районе. Он всегда охотно и активно включался в общественную жизнь и с энтузиазмом учился. В двадцать пять лет он становится заместителем редактора республиканской молодежной газеты «Лениншил жас», а в тридцать он был арестован по ложному доносу и осужден на 10 лет лишения свободы, которые провел в тюрьмах и лагерях, испытал на себе все недозволенные методы следствия, ужасы карцеров, безжалостность репрессивной машины.

После реабилитации, несмотря на подорванное здоровье, инвалидность, он плодотворно и достойно включился в общественную и литературную жизнь республики.

Сегодня члену Союза писателей Жайку Бектурову — 80 лет. Почти тридцать из них он был членом правления Союза писателей Казахстана, многие годы возглавлял писательскую организацию Сары-Арки, сам много писал. Его поэмы «Поэт и подлец», «Письмо сестре», повесть «Последние дни Сакена», исторические очерки «Огонь и смерть», «Факты и аргументы», «Жертвы террора», очерки об основоположниках казахской национальной литературы А. Байтурсунове, М. Жумабаеве, Ж. Аймауыте, М. Дулатове, поэте Шакариме Кудайбердиеве, имена которых лишь недавно были возвращены народу, о Бухар-жырау, видных общественных и политических деятелях отмечены печатью подлинного таланта, их литературное достоинство высоко и неоспоримо.

Жайк Кагенович—удивительный собеседник. Присущее ему чувство юмора, ироничность, колоссальные знания и кругозор делают его непревзойденным рассказчиком.

— Жайк Кагенович, расскажите немного о себе — своих истоках, детстве...

— Родина моя — Алексеевский район Акмолинского уезда. Акмолинск тогда был важным торговым экономическим центром, здесь проходила большая ярмарка.

Я родился в лесу, как елка. В годы моего детства ягоды, как баурсаки, на земле лежали. Сейчас, к сожалению, лес рубят, а лесники делают вид, что он бракованный.

Отца не помню. Мне было два года, когда его не стало. Был ему всего 31 год, и оставил он шестерых детей. Жили мы с дедом, дед умер в 21-м году, когда мне было 9 лет. Был он богатырь, охотник, хозяйством занимался. Состоятельный человек. И после его смерти мы продолжали заниматься хлебопашеством до 26—27-го года. Сеяли «белую кубанку», овес, просо, даже горох, лен.

Потом и мать умерла, сестры. Остались мы, два

мальчика, с бабушкой. Чтоб не пропасть, стали совместно работать с русскими, бедняком Гавриилом Набоковым и состоятельным крестьянином Иваном Анисимовым. Это был прообраз сегодняшней аренды — тен ортак — половина твоя, половина моя. Мы вместе пахали, вместе сеяли, косили. У Ивана было два сына, наши ровесники, и мы очень дружили.

До 28 го года наши семьи не голодали. А в 29-м году начался великий голод. Хлебозаготовители требовали, чтобы крестьяне отдавали по 60 пудов, а как отдашь, когда получали по 6—7 пудов. Русские как-то продержались за счет огородов, а казахи по-дались в Курган, Омск. Всех там приютили, никто ни о чем не спрашивал: ни о национальности, ни паспорта.

ВСТРЕЧИ ДЛЯ ВАС

АКСАКАЛ

Помню, на моей родине—это отделение Амангельды Урюпинского совхоза — русские выращивали арбузы, дыни, табак, перец. С 1958 года туда едзу — ничего сейчас не растет, кроме тощей капусты. А какие были колодцы — вода чистая, прекрасная, теперь и колодцев нет. Спросил у одной старушки, куда вода девалась, а она говорит: хозяйева ушли—и вода ушла. Да, всех раскулачили, и Ивана тоже, хотя какой он кулак, батраков не держал.

Земля и сейчас осталась та же, такая же хлебодородная. Изменились люди. И это просто невероятно.

— Жайк Кагенович, я знаю, что в начале 1942 года вас, офицера, редактора дивизионной газеты 105-й кавалерийской дивизии, арестовали по ложному политическому доносу, что Особым совещанием НКВД СССР вы были осуждены на 10 лет лишения свободы и реабилитированы в 1956 году. Что вы чувствуете сегодня — сожаление, негодование, ненависть, или эти годы вычеркнуты из памяти, все прощено?

— Поэт Михаил Светлов писал как-то: «Три дня сидел в кутузке — всю жизнь на забывал». Забыть то, что было, трудно. После реабилитации я долго духовно не мог подняться. Образ жизни был нечеловеческий. Кошмар.

В лагере я понял, что значат слова «смирительная рубаха». Как в красных уголках на почетном месте стояло переходящее знамя, так у нас на вахте стояло древко с прикрепленной к нему резиной. Для устрашения. Провинившего заворачивали в резину, обливали водой, кровообращение нарушалось, и буквально через пятнадцать минут человека уносили. Страшно...

Людей активировали, как большой скот в колхозе. Освобождали тюрьму. Люди специально пускали себе керосин в вену, рубили правую руку, чтоб попасть на активровку. Разве можно такое забыть? Я, казах, не ел пять лет мя-

са, не пил ни грамма молока. Надо сказать, что в лагере по национальностям людей никто не делил. Все были равны перед бедой. Я там даже «вырос», стал заведовать маленьким складом.

Среди хозяев лагерей были разные люди. Помню, как я, экспедитор маленького лагунка, вез на телеге продукты — рыбу, растительное масло. А дороги, по сути, не было — кругом пни. Как я лавировал между ними, а телега все-таки опрокинулась. Собрал я кое-как что мог, приехал, доложил лейтенанту Анищенко, что телега сломалась, продукты испорчены. Я уже готов был ко всему самому худшему, дополнительный срок себе определил—8 лет. Но лейтенант спас меня. «Ладно,—говорит,—что-нибудь придумаю». И приказал продукты сактировать.

Обо всем, что я тогда пережил, написал в романе «Клеймо», рукопись которого находится в издательстве «Жазушы», отрывки опубликованы в журнале «Жұлдыз».

После реабилитации меня признали инвалидом второй группы — руки тряслись. Дети нездоровые — тоже результат репрессий.

Это было народное горе. Посмотрите, ни один из руководителей-коммунистов того времени живым не остался: друг друга съели. Люди были безжалостны друг к другу, а палачи не чувствовали себя ответственными, потому что творили все не от своего имени, а от имени бюро, закона. Если кто-то не выполнит — его самого скрутят.

А что за законы были: опоздал на работу на 30 минут—10 лет. Не все идейно были коммунистами, а в партию вступали. Не будешь коммунистом — работы не дадут. Кругом был обман и страх. Поэтому все, что мы переживаем сегодня, — результат того, что мы натворили раньше.

В лагере тоже было достаточно стукачей. А я, поскольку не чувствовал за собой ни-

какой вины, был настоящим ротозеем. Помню, когда был экспедитором, привез из одного лагунка в другой письмо от мужа жене и деньги на полбухаки хлеба. Адресата на месте не было, и я оставил письмо другому человеку для передачи, а тот на меня донес. Отправили меня в штрафной лагунка. Один раз узбек попросил меня спрятать сверток: он из одеяла себе одежду выкроил. И опять я пострадал.

Издевались над людьми страшно. Я не раз готов был умереть. Еще раз повторю, что по национальностям в лагерях людей не делили, иначе бы те, кто был представлен в меньшинстве, ни за что бы не выжили.

— Как на ваш взгляд, могут ли сейчас возникнуть у нас в республике национальные проблемы?

— Дай бог, чтобы каждый был такой националист, как я. Но если честно, боюсь казначества. Усы, лампы, бывшие крестьяне бряцают оружием — это опасная штука.

Кто такие казаки? Это беглые крестьяне, передовые отряды царизма, а чувство гордости, обиды передается из поколения в поколение, и многие хотят это использовать сейчас. Боюсь, как бы не стравливали нашу молодежь и казаков. Поддаться влиянию нетрудно.

Взгляды, конечно, свои надо иметь, но надо диалектически подходить ко всему. Мы все были в плену идеологии, не могли жить своим умом, но такую анархию, как сейчас, нельзя допускать.

Вот шахтеры переходят все границы. Что же это такое? Банщица на шахте получает 6 тысяч рублей. Как понять? Надо закрыть некоторые шахты за нерентабельность, как на Западе делают, может, это чему-то научит. Сейчас среди шахтеров есть случайные элементы, которые всех будоражат, и это надо понимать.

Не подумайте, что я за уравниловку. Привилегии с древнейших времен были и

есть: один атлет — другой поэт.

Вообще народы без влияния друг на друга не могут процветать ни культурно, ни экономически. А молодежь, которая сейчас кричит о национальном самосознании, безверна, не знает, не понимает, что делает. Конечно, Байтурсунов имеет такое же значение для казахов, как Ломоносов, Радищев для русских, но его труды интернациональны. Широко образованные люди никогда душой не кривят.

— Не пугает ли вас исламский фактор, о котором сейчас так много разговоров и в печати, и по радио, телевидению?

— Чокан писал, что всегана всего двести лет, как религия к нам пристала, только с середины прошлого века началось паломничество казахов в Мекку. Поэтому нам исламский фактор особо не грозит. Искуственно же могут раздуть.

Сейчас все ударились в религию. Я как-то ездил в Четский район, встречался там с одним бывшим активистом, который стал муллой. Он что, думаете, искренне верит?

В том, что попов, мулл сейчас всюду приглашают, открывают перед ними все двери, есть какая-то искусственность, театральность.

Я не против религии. Кто из нас не хочет в рай? Но церковь должна быть отделена от государства. Не надо забывать, что многие попы были доносчиками на своих прихожан, что замечательный писатель Тургенев считал самым поганым человеком в России попа.

— Жайк Кагенович, у нашей культуры плачевное положение, что вы думаете по этому поводу?

— Какая может быть при такой системе культура? Нужно, чтобы проблемы культуры были делом местной власти. На посты руководителей надо выдвигать людей образованных, культурных, с большим размахом, кругозором, ведь без культуры экономика не пойдет.

Как в маленьком озере буря поднимает со дна на поверхность всю гниль, грязь, так и в обществе общественные катаклизмы выбрасывают наверх таких людей.

Как бы ни ругали Ленина, чтобы ни говорили, но вокруг него были культурные, образованные люди — Луначарский, Чичерин, Бухарин. Нет сейчас у власти таких культурных людей.

Бектуров — собеседник неординарный. С ним можно говорить часами и не переставать удивляться, как много он знает, какая цепкая и гибкая у него память, какие неожиданные ассоциации возникают. Какой бы вопрос я ни задала, у него есть собственное мнение и не просто сиюминутное, а продуманное, выстраданное. Не случайно так часто ссылались он на исторические аналогии, приводил данные новейших исследований. К сожалению, объем газетного материала не позволяет «размахнуться» и вынуждает спускать подробности. Но мы надеемся, что Жайк Кагенович Бектуров, давний друг нашей газеты еще не раз поделится с читателями своими мыслями с ее страниц.

С. ОБУХОВА.

Фото Н. СЮРИНА.